

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РУССКИХ И ЛЕЗГИНСКИХ ПАРЕМИЙ С КОМПОНЕНТОМ «СУДЬБА»

NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICS OF RUSSIAN AND LEZGIAN PROVERBS WITH FATE COMPONENT

**S. Alieva
A. Idaatova**

Summary: This article is devoted to the analysis of the national and cultural specifics of the universal concept of «fate». In the Russian and Lezgian language worldviews, this concept is represented through lexical units, phraseological expressions, and proverbs. It is established that the semantic content of the concept of «fate» in both linguistic cultures goes beyond the definitions recorded in explanatory dictionaries. In the Russian linguistic worldview, «fate» includes a wide range of associative connections, encompassing both philosophical ideas and elements of folk tradition. In Lezgian linguoculture, this concept has a sacred load, is deeply rooted in cultural attitudes, and is considered as a significant component of national identity and worldview.

Keywords: concept, fate, proverbs, nacional and cultural specifics, linguistic culture.

Алиева Самая Азеровна

кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский
государственный университет, (г. Махачкала)
samaya.alieva.00@mail.ru

Идаятова Амина Идаятовна

Дагестанский государственный университет,
(г. Махачкала)
idaatovaamina@gmail.com

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу национально-культурной специфики универсального концепта «судьба». В русской и лезгинской языковых картинах мира данный концепт репрезентирован посредством лексических единиц, фразеологических выражений и паремий. Установлено, что семантическое наполнение концепта «судьба» в обеих лингвокультурах выходит за пределы дефиниций, зафиксированных в толковых словарях. В русской языковой картине мира «судьба» включает широкий спектр ассоциативных связей, охватывающих как философские идеи, так и элементы народной традиции. В лезгинской лингвокультуре данный концепт обладает сакральной нагрузкой, глубоко укоренён в культурных установках и рассматривается как значимый компонент национальной идентичности и мировосприятия.

Ключевые слова: концепт, судьба, паремии, национально-культурная специфика, лингвокультура.

В современном гуманитарном знании понятие «концепт» занимает одно из центральных мест и активно разрабатывается в рамках таких дисциплин, как лингвокультурология, когнитивная лингвистика и психология. Междисциплинарный характер изучения концепта обусловил наличие широкого спектра его трактовок, каждая из которых определяется спецификой исследовательских задач, методологических подходов и понятийного аппарата конкретной науки. Такой подход позволяет рассматривать концепт как сложное ментально-языковое образование, отражающее особенности мировосприятия представителей определённой культуры. В нашем исследовании мы будем придерживаться лингвокультурологического подхода к пониманию концепта, сторонниками которого являлись Н.Д. Арутюнова[1], Ю.С. Степанов [2], В.И. Карасик [3] и другие.

С точки зрения лингвокультурологии, концепт – это понятие, погруженное в жизнь. То есть, концепт представляет собой посредническое звено между языковой формой и фрагментом действительности, выполняя функцию когнитивного и культурного ориентира [4], [5]. В лингвокультурологической и когнитивной традиции он трактуется как ментальное образование, закрепляющееся в языке и отражающее значимые для носителей культуры представления о мире.

Как отмечают Вежбицкая А.Я. [6] и Маслова В.А. [7], концептами становятся, прежде всего, те явления реальности, которые обладают ценностной значимостью и актуальностью для определённого социокультурного сообщества. Такие концепты характеризуются богатством языковых репрезентаций: они фиксируются в лексике, фразеологии, пословицах, поговорках, а также широко представлены в поэтических и прозаических текстах.

Особое место среди универсальных концептов занимает концепт «судьба», поскольку он затрагивает экзистенциальные аспекты человеческого существования – представления о свободе воли, предопределённости, моральной ответственности и роли высших сил. Исследование этого концепта в разных лингвокультурах позволяет выявить не только семантические различия, но и глубинные мировоззренческие установки, закреплённые в языке и традиции.

Цель данной статьи – выявить универсальные черты и национальные особенности русских и лезгинских паремий, репрезентирующих концепт «судьба».

Источником фактического материала послужили двуязычные словари русского и лезгинского языков [8], [9], сборники пословиц и поговорок [10], [11].

Чтобы глубже понять концепт «судьба», необходимо обратиться к этимологии этого слова. Происхождение слова «судьба» восходит к латинскому термину *fatum*, который в древнеримской традиции означал «предназначение», «изречение богов», «то, что суждено». В античной мифологии концепт судьбы был глубоко укоренён в религиозно-философском мировоззрении. Так, в древнегреческой традиции судьба персонифицировалась в образе трёх богинь – Мойр (Клото, Лахесис и Атропос), которые, согласно мифу, пряли, измеряли и обрезали нить жизни человека. Подобные представления были характерны и для других культур: у скандинавов судьбу олицетворяли Норны (Урд, Верданди и Скульд), а в японской мифологии функции, близкие к судьбоносным, приписывались богине Укемочи, связанной с циклом жизни и смерти.

В русском языке слово «судьба» имеет древнеславянское происхождение. Оно восходит к праславянской форме *sqdъba*, производной от *sqdъ* («суд») с абстрактным суффиксом -ъба, и первоначально означало «решение суда», «правосудие», «приговор». В древнерусских текстах этот термин встречается в значениях «суд», «суждение», «решение» [12, с. 46]. Со временем, однако, семантика этого слова изменилась: с усилением фаталистических представлений в народном сознании концепт «судьба» приобрёл значения «рок», «предопределённость», «неизбежность».

Для выявления смысловой структуры концепта «судьба» следует обратиться к его словарным дефинициям, отражающим развитие значения данной лексемы в русской языковой традиции. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слово «судьба» связано с понятиями «суд» и «судить» и сопровождается рядом ассоциативных лексем, указывающих на восприятие судьбы как силы, определяющей участь человека: «бездолье», «безчастье», «неизбежность», «жестокость» (например, «судьба людьми играет, как мячиком») [12, с. 108].

Современные толковые словари [13] фиксируют несколько устойчивых значений слова «судьба»: 1. стечение обстоятельств, неподвластных человеку; 2. жизненная доля, участь; 3. исторический путь существования кого-либо или чего-либо; 4. фатальное будущее, предопределённое развитие событий.

В «Философском энциклопедическом словаре» термин интерпретируется как «совокупность происходящего, того, что не может не произойти», при этом подчёркивается, что не всё детерминировано – судьба представляется как объективная реальность, частично поддающаяся влиянию человека [14, с. 78].

П.Я. Черных в «Историко-этимологическом словаре русского языка» указывает, что слово «судьба» употребляется в русском языке с XI века. Первоначально оно означало «суд», «правосудие», «приговор», позднее приобрело значения

«участь», «жребий», «рок», «неизбежность» [15, с. 216].

Таким образом, лексема «судьба» в русской лингвокультуре отражает многослойную концептуализацию: от юридической и религиозной трактовки до философско-фаталистической интерпретации, сохранив при этом устойчивую связь с такими понятиями, как «жребий», «удел», «рок», «предопределение», «будущее».

В лезгинском языке понятие «судьбы» репрезентируется следующими лексемами [8], [9]:

1. *Кысмет* «судьба, доля». 2. *Несиб* 1. «Доля, удел; 2. Предназначенная судьбою вещь». 3. *Бахтавар* «риск»; *бахтабахт лугъун* а) «идти на риск»; б) «надеяться на судьбу» (букв. «будь, что будет»). 4. *Гуьнуькъара* «горемычная доля»; «злополучие, несчастье». 5. *Къаза-къадар* 1) «рок»; 2) «судьба»; 3) фатум». 6. *Гайд югъ* «фатум, рок».

Русская культура, формировавшаяся под влиянием православной духовности, крестьянского мировоззрения и многовековых социальных перемен, уделяет большое внимание вопросам судьбы и божественного промысла: *Божья воля – наша судьба; Не в нашем деле, а в Божьем промысле; Бог судит, а не мы; Бог ведает, что с нами будет*. В русских пословицах судьба часто изображается как сила, непостижимая и необратимая, что отражает глубокий фатализм, характерный для народного сознания в периоды жизненных испытаний и социальных кризисов: *От судьбы не уйдешь; Кому суждено утонуть, того не повесят; Судьба человеку не товарищ; Что судьба наметила, то и будет*.

В лезгинской культуре «судьба» зачастую представляется не только как неумолимая сила, но и как элемент, с которым можно вступить в определённый диалог: *Инсандин кismet вичин чыле авайди я*. «Судьба человека в его руках». Здесь проявляется тенденция к интерпретации судьбы как динамической реальности, где человеческая активность, соблюдение традиций и уважение к предкам могут смягчить или, напротив, усилить влияние судьбы: *Инсан кismetдин цеси туш, амма ам цеси я вичи ийизвай квалахрин*. «Человек не хозяин своей судьбы, но он хозяин своих поступков». Таким образом, в лезгинских пословицах можно наблюдать одновременно фаталистический настрой и уверенность в коллективной силе, преданной идее сохранения культурных традиций: *Эгер ваз физ к анзавачта, бин паталай масад фидач*. «Если ты сам не хочешь идти, за тебя никто не пойдёт»; *Зи уьмур я, за заз буч клан хайита, гьам ийид*. «Моя жизнь, что хочу, то и буду делать»; *Кысметдихъ глаз акъажиз жеда*. «С судьбой не поспоришь»; *Хъайиди хъуй*. «Будь, что будет».

Образ судьбы как дороги – один из устойчивых символов в русской картине мира. В этом образе жизненный путь человека воспринимается как предначертанная дорога, по которой он идёт, часто не зная, куда она приведёт: *Куда судьба ведёт, туда и дорога; Судьба – не конь: с тропы не свернешь; Судьба дорогу стелет, а человек идет; Какова доля,*

такова и дорога; Кому сужено – того и дорога приведет.

В лезгинской картине мира образ судьбы также часто ассоциируется с дорогой, символизируя жизненный путь человека, полный испытаний и неопределенности: *Кыс-метдикай кат жадач, вучиз лагайтӀ вун катзавай рельни*. «От судьбы не убежишь, ведь даже дорога бегства – это судьба»; *Бахтунин рехъ яргъи жада, уьмуьр – куьруь*. «У счастья дорога бывает длинная, жизнь – короткая».

В русских поговорках судьба имеет часто отрицательную коннотацию: *Натура дура, судьба злодейка; Иному счастье (судьба) мать, иному – мачеха*. Но, несмотря на преобладающее в сознании русских значение судьбы как всеобъемлющей силы и злой субстанции, есть поговорки и с положительным окрасом: *Не верь судьбе: спасение в борьбе; Не нам судьба – судья, а мы судьбе – хозяева; Судьба веселью не помеха; Фортуна слепа, но щедра*.

Иную точку зрения мы можем увидеть в лезгинских пословицах и поговорках: народ верит, что, какие бы тяготы ни выпадали на долю человека и какой бы судьба ни казалась беспросветной, надо мыслить позитивно: *Экв такуна беркьюьни рекьидач*. «Не повидав светлого дня, и слепой не умрет»; *Гьамиша цифр марфар жадайдӀ туш*. «Не вечны ни тучи, ни дожди»; *Жегьнем аватлани, женнетни ава*. «Если есть ад, то ведь есть и рай».

Анализ русских и лезгинских поговорок с компонентом «судьба» наглядно демонстрирует, как в лаконичных формах народной речи отражаются глубинные филосо-

ские представления и мировоззренческие ориентиры.

В русской традиции образ судьбы сопряжен с идеей неизбежного божественного или природного начала, что соотносится с религиозным фатализмом и историческим опытом преодоления жизненных испытаний. Лезгинский фольклор, напротив, предлагает подвижное и антропоцентричное понимание судьбы, связанное с памятью рода, гармонией с природой и деятельной жизненной позицией.

Сравнительный подход позволяет увидеть, что при общих мотивах – таких как неотвратимость и воля судьбы – каждая культура формирует уникальные образы и смысловые акценты, отражающие её исторический путь и ценностные ориентиры. Изучение таких поговорок углубляет наше понимание народной ментальности и открывает возможности для межкультурного диалога.

Настоящее исследование подчёркивает важность сопоставительного анализа фольклорных традиций для выявления как универсальных, так и уникальных черт восприятия судьбы в разных этнокультурных сообществах. Эти данные могут стать основой для дальнейших исследований, направленных на осмысление духовных основ культур и формирование мостов взаимопонимания.

Таким образом, поговорки о судьбе служат зеркалом исторического опыта, религиозного мироощущения и социокультурной самобытности, что позволяет рассматривать концепт судьбы как один из ключевых элементов мировосприятия, как русского, так и лезгинского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Предисловие /Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: культурные концепты. – Москва: Наука, 1991. – С. 3–4.
2. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: «Перемена», 2002. – 447 с.
4. Соколов А.В. Когнитивный аспект изучения языковой картины мира // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 1998. – Вып. 3. – С. 37–45.
5. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знания о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
6. Вежицкая А.Я. Язык. Культура. Познание. – Москва: Русские словари, 1996. – 416 с.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология. – Москва: Академия, 2001. – 208 с.
8. Гаджиев М.М. Русско-лезгинский словарь / М.М. Гаджиев; под ред. Г.А. Аликуберова. – Махачкала: Изд-во Дагестанского филиала АН СССР, 1950. – 965 с.
9. Талибов Б.Б., Гаджиев М.М. Лезгинско-русский словарь / Б.Б. Талибов, М.М. Гаджиев; под ред. Р.И. Гайдарова. – Москва: Наука, 1966. – 603 с.
10. Ганиева А.М. Пословицы и поговорки лезгин: исследование и тексты. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2010. – 128 с.
11. Даль В.И. Пословицы русского народа: сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. 1-е изд. Том 1. – Москва, 1862. – 276 с.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Том 4. – Москва: Русский язык, 1989. – 712 с.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1990. – 921 с.
14. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский и др. – Москва: ИНФРА-М, 2009. – 569 с.
15. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов. 3-е изд. Т.2. – Москва: Изд-во «Русский язык», 1999. – 560 с.

© Алиева Самая Азеровна (samaya.alieva.00@mail.ru), Идаятова Амина Идаятовна (idaatovaamina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»